

Психологическая Хрестоматия

Иван Мешалов
Николай Глазов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Мешалов

Психологическая Хрестоматия

«Автор»

2026

Мешалов И. Д.

Психологическая Хрестоматия / И. Д. Мешалов — «Автор»,
2026

Что превращает ребёнка в спасателя или убийцу? Николай Глазов в своей хрестоматии переплетает православную прозу, психологический триллер и фантастику. Герои — дети, пережившие насилие, предательство и смерть близких. Их пути ведут к небесным вратам, в заброшенный лагерь с маньяком-педагогом и в глухую архангельскую деревню, где злое слово убивает. Каждый рассказ — это исследование травмы: от её истоков до попыток исцеления через веру. Автор посвящает книгу брату Ване. Это не просто сборник, а откровенный разговор о том, как боль формирует личность и где искать свет. Для тех, кто не боится сложных тем.

© Мешалов И. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Психологическая Хрестоматия	5
Рассказ Ангел – Братишка	6
Повесть Дневник спасателя (в двух рассказах)	12
Рассказ Девство Спасателя	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Психологическая Хрестоматия

Данная хрестоматия является с уникальным сочетанием нескольких жанров произведением, посвященным моему родному младшему брату, Ване, целью которой художественно осветить с разных точек зрения психологические травмы, их причины формирования и их вред на жизнь человека

От Глазова Николая

Психологическая Хрестоматия

Автор Глазов Николай Александрович, Иван Дмитриевич Мешалов

Жанр: синкретизм православной прозы, психологического триллера и фантастики

Оглавление

Рассказ Ангел – Братишка

Повесть Дневник спасателя (в двух рассказах)

Рассказ Девство Спасателя

Рассказ Крах Спасателя

Рассказ отдых у учителя Ада

Рассказ Проклятое слово

Рассказ Ангел – Братишка

Москва. Конец мая. Город утопает в молодой зелени, а воздух уже наливается теплом, обещая скорое лето. В стенах обычной московской школы прозвенел последний звонок — звонкий, переливчатый, он возвестил о начале каникул и о том, что детство ещё не закончилось, но уже подошло к очередной черте. Из распахнутых дверей на улицу высыпала шумная толпа школьников: кто-то радостно кричал, кто-то обнимался, кто-то спешил домой. И только один мальчик не разделял общего веселья.

С третьего этажа медленно спускался высокий тринадцатилетний подросток по имени Серафим. Его вид был грозен и одновременно уныл. Длинные чёрные локоны, красиво прибранные по бокам, с чёлкой до бровей делали его не только суровым, но и чрезмерно привлекательным для многих девчонок. Но сейчас его тёмные глаза смотрели в пол, а плечи были опущены. Он словно нёс на себе груз, который был тяжелее любого школьного рюкзака.

Серафим не заметил, как на первом этаже к нему подошёл Василий — рослый, широкоплечий парень, известный своей грубостью. Он резко прижал Серафима к стене, так что тот весь скукожился от страха.

— Ты, стрелка, — грозно сказал Василий, не обращая внимания на то, как побледнел Серафим. — Думаешь, самый умный?

— Отстань от меня, — прошептал Серафим, сам не понимая, откуда берутся слова. — Что тебе от меня нужно?

— Мсть, — отрезал Василий. — Не дал мне списать контрольную, меня теперь мама накажет. Вот пусть тебе будет плохо.

Он отпустил парнишку и пошёл прочь, готовясь к драке. Серафим же, оторвавшись от стены, нехотя спустился вниз. Ему казалось, что никто и ничто не в силах ему помочь. В холле он молча оделся, вышел на улицу, где уже собралась толпа сверстников, и понял, что драки не избежать.

Войдя в круг, Серафим сразу заметил недруга. Глаза Василия полыхали решимостью, в них блеснула искра превосходства.

— Ну что, Сим, готов к тумакам? — усмехнулся Василий.

— Д-да, — промямлил Серафим, — держись.

И сразу напал на Василия. Удар, ещё удар — и вот Серафим уже лежит в луже крови, которая течёт из носа рекой. Последнее, что он помнил, — гулкие крики и то, как толпу раздвигает учительница математики Антонина Антоновна.

Антонина Антоновна — женщина советской закалки, в которой строгость лихолетья и стальная дисциплина уживались с добротой тайной веры, хранимой от прародителей. Каждый её урок боялся любой ученик средней школы, а её кабинет обходили стороной. Кто-то говорил,

что она бесчеловечна. Другие, напротив, утверждали, что это добрый и справедливый педагог, знающий и меру грубости, и меру доброты. Однако Серафим уже потерял сознание.

Темнота. Непроглядная, густая, словно смола. Серафим открыл глаза, но не увидел ничего, кроме этой тьмы. Где-то вдали мерцал необычный свет. Мальчик решился идти вперёд. И тут рядом с ним появилось белое, сияющее, необычайно доброе существо. Одежды его напоминали рясу священника, но излучали свет, как и само существо. Лицо напоминало шестнадцатилетнего юношу, а волосы были такие же длинные, как у Серафима.

Существо обняло мальчика и сказало:

— Идём скорее, Отец наш ждёт.

Они шли, и по мере продвижения тьма отступала, становилось всё ярче. Серафим, найдя в себе душевные силы, спросил проводника:

— А куда мы идём, брат?

Услышав слово «брат», ангел остановился, обнял и поцеловал Серафима в щёку:

— Идём, и узнаешь, братишка.

Продолжая путь, они вышли к ослепительному свету, в котором едва можно было разглядеть огромный город, по размерам сравнимый с Москвой или Санкт-Петербургом. Однако путь в город преграждали ворота — огромные и величественные.

А тем временем на земле, в 15-й больнице, в отделении реанимации, в слезах плакала мама Серафима, Марта. К сыну был подключён кардиограф, который иногда пикал, а линии были почти прямыми. Марта работала медсестрой в частной поликлинике и прекрасно понимала, что сын её на грани жизни и смерти. Вскоре в палату пришёл врач и сухо сообщил, что приёмные часы закончились. Марта вышла.

Еле передвигая ноги, она дошла до лифта и вошла в него. «В больнице пахло антисептиками, врачи бегали день и ночь, борясь со смертью», — думала Марта. Спустившись и выйдя из больницы, она направилась к дому, как вдруг небо затянуло тучами и полил ливень, словно из ведра. Марта решила укрыться в ближайшей церкви.

Войдя в деревянную церквушку, она замерла перед старинным образом Христа. И в этот миг из её груди вырвался крик:

— Я одного сына убила в чреве, умоляю, не забирай у меня второго, Серафимушка мой!

Слёзы текли по её лицу, а в памяти всплывали годы, когда она, молодая и испуганная, поддалась уговорам и совершила аборт. Тогда ей казалось, что это единственный выход. Теперь же она стояла перед иконой и молила о прощении и о жизни для Серафима.

А на небесах стражи ангелы стояли грозно и неподвижно. Один из них коснулся Серафима, и над его головой пронеслась вся его жизнь, словно написанная в золотой книге. Вдруг золотые врата открылись, и всё ослепилось светом ярче земного солнца. Это был сам Господь

и Бог наш Иисус Христос. Рядом с Ним стояли преподобный Серафим Саровский и Божия Матерь. В руках Господь держал книгу, по которой будет судить каждого человека.

— Ему ещё рано быть здесь, — сказал Господь. — Он вернётся на землю, как увидит землю, уготованную тем, кто возлюбил Меня больше отца и матери и всего земного.

Серафим вошёл вслед за Господом, рядом с которым шли Божия Матерь и Преподобный Серафим Саровский. В небесный город, который невозможно описать словами. Его размерное величие настолько огромно, что в мире не существует такой меры, чтобы его описать, а одна лишь обитель праведников сопоставима с Константинополем или целым Царьградом. Когда Серафим, идя вслед за Христом, подумал: «Как хочется остаться здесь навсегда», — Божия Матерь повернулась к нему и сказала:

— Не бойся, но ты не можешь сейчас здесь остаться. Ты придёшь сюда вновь, главное — слушайся Сына Моего и Бога нашего.

Серафим, найдя в себе смелость, спросил Господа:

— А где мой братишка, убитый абортom?

Господь посмотрел на него и сказал:

— Идём со Мной.

Они шли к западу от небесного города, пока не дошли до обители. В ней были дети — совершенно разные: на вид одним казалось 16–18 лет, другим 33, но по возрасту все были совершенными мужчинами. Главное отличие их было в том, что они не сияли светом, как в других обителях. Их обитель находилась в таком месте от города, где эти дети не могли видеть свет своего Господа и Бога. От этого было не понять, рай ли это или нет. Однако дети не страдали, но и не имели полноты блаженства.

Увидев Серафима, к нему навстречу вышел его родной брат Ваня. Он был очень похож на самого Серафима. Ваня просил лишь об одном:

— Молись обо мне, Серафимка. Ведь о тех нас, за кого молятся перед Господом и Богом нашим в домашних молитвах и особенно в честь нас творят милостыню, сам Господь даёт возможность лицезреть Его и быть с Ним.

Тогда Ваня спросил брата:

— А как те дети, за которых не молятся?

И брат ответил:

— Такие дети, как правило, не страдают, но не могут иметь возможность лицезреть Бога. Это место на земле не открыто и остаётся Тайной Божьего Промысла. Не известно на земле, что за обитель такая, где такие дети не страдают, но не имеют полноты блаженства. Одно лишь известно: это не ад, не рай и не чистилище, а место любящей руки Господней, которая обнимает и принимает этих детей.

Вскоре сам Господь и Бог наш Иисус Христос сказал, что Серафиму пора на землю и что он встретит мальчика семнадцати лет, которого должен будет принять как родного брата. После сих слов Ангел повёл Серафима обратно на землю.

В больничной палате прибор кардиограф записал, и линии стали более кривыми, чем обычно. В этот самый миг Серафим открыл глаза. Дверь в палату открылась, и в ней появился силуэт медсестры. Увидев признаки жизни маленького больного, сестра сразу побежала в кабинет дежурного врача.

— Максим Сергеевич, вы представляете, Серафим очнулся! Состояние плохое, но уже положительная динамика!

— Ну что ж, голубушка, надо посмотреть, — сказал Максим Сергеевич. — Пойдёмте.

Врач с медсестрой подошли к палате мальчика и, открыв дверь, вошли.

— Серафим, ты очнулся? Как твоё самочувствие? — спросил Максим Сергеевич.

Серафим молчал — то ли от непонимания, что происходит, то ли от сильной слабости, что едкой стрелой пронзила всё его тело. А потом через силу сказал:

— Вроде бы хорошо.

Врач с медсестрой оставили мальчика и ушли. Вскоре из больницы позвонили Марте, чтобы сообщить, что состояние её сына стало лучше. Марта, сидевшая дома, услышав эту новость, быстро оделась, накинула пальто, подумала: «Нужно сыну взять его телефон» — и вышла из дома. Добравшись до больницы, она пришла к сыну. Серафим, увидев маму, потянулся к ней, и Марта сама нагнулась, утонув в объятиях сына. Она молча целовала его в щёку, не находя других слов.

Побыв с сыном, Марта вышла из палаты и направилась к дежурному врачу. Постучав в дверь и не дождавшись ответа, она вошла и спросила:

— Когда моего сына выпишут, Максим Сергеевич?

— Марта Николаевна, Серафиму ещё неделю, а лучше десять дней побыть в больнице, — сказал Максим Сергеевич. — А теперь прошу извинить, мне нужно идти на плановый осмотр пациентов.

Пока Серафим лежал в больнице, Марта, навещавшая сына, возвращалась домой. Дом Марты находился в паре кварталов от больницы. Жила она в просторной двухкомнатной квартире на шестом этаже. Соседи были в основном спокойные, порядочные люди, кроме одних. В одной из квартир постоянно слышались крики и звуки разбитой посуды.

И когда в очередной раз Марта возвращалась домой, в лифте с ней ехала бригада скорой помощи. Марту это удивило: скорая помощь очень редко приезжает в их дом. Пронзённая любопытством, она спросила у врачей:

— А вы к кому?

Алина Фёдоровна ответила:

— Мы в 615-ю квартиру.

Марта удивлённо подумала, что такое могло случиться там, и сказала:

— Главное, чтоб всё было хорошо. Ведь у них мальчик семнадцатилетний, такой хороший и добрый.

И вышла с ними, когда приехали на седьмой этаж.

Марта спокойно вошла к себе, разделась, прошла на кухню, вскипятила чайник и, сев, начала попивать любимый чай. Как вдруг за стеной стали слышаться страшные разговоры.

— Это ты виновата, что наш сын впал в кому! — кричал муж, Матвей Дмитриевич. — Если бы ты меня не довела, я б сына не ударил так!

Это был муж с очень жёстким характером, не боявшийся его проявлять. А его супруга, Екатерина Дмитриевна, добрая сердцем и душою девушка, лишь молча терпела выходки мужа. Раньше муж Екатерины был совершенно иным: добрым, отзывчивым, заботливым. И сама Екатерина не понимала, что же такое случилось с ним.

А тем временем в больницу везли мальчика семнадцати лет. Когда привезли, врач приёмной долго думал, рассуждая сам с собой: «Куда нам его? Все палаты давно заняты! Может, к Серафиму? Он мальчик спокойный, может подружиться». И так и решив, сказал:

— Ивана Дмитриевича Мешалова в палату 7 к Серафиму Сименькову.

— Павел Евгеньевич, — говорит медсестра, — у парнишки давление колеблется, практически нет вентиляции лёгких, поражение с показателем 26 процентов, глаза закрыты, рефлексy полностью отсутствуют. Пульс критически низкий.

— Анна Петровна, — говорит врач, — незамедлительно подключить больного к ИВЛ, ввести адреналин!

А пока врачи боролись за жизнь ребят, в доме, где жила Марта, муж не выдержал спокойствия жены и избил её в очередной раз. После чего крики утихли. Екатерина отлетела к стене и ударилась головой, на время потеряв сознание. Муж был настолько влиятельным человеком, что у Екатерины не было шансов доказать обратное. Однако терпение её не выдержало, и она решила уйти, оставив сына мужу. Быстро собрав вещи, она так и сделала.

А муж, оставшись наедине с собой, вспоминал своё детство. Как он в двенадцать лет нарисовал свою первую картину, из-за чего не успел хорошо подготовиться к урокам и получил двойку. А его мама, взглянув на картину, взяла и, смяв её, кинула в ведро:

— Бездарь! Готов всем заниматься, лишь бы уроки не делать.

И, поставив его в угол, избив по ягодицам, грозно пригрозила:

— Если ты продолжишь заниматься ерундой, то будешь только моральным уродом.

Матвей, вспоминая эти страшные события детства, лишь думал: «А может, я по-другому любить и не умею?» И именно в этот момент, как стрела, пронеслась мысль бывшей жены: «Любимый, а может, тебе сходить к психологу?» Эта мысль окончательно утвердила мужа-тирана, и он, одевшись, пошёл к психологу. Медицинский центр психологической помощи находился в полуверсте от их дома.

И когда крики и звуки утихли, Марта ушла в комнату, где в углу слабо горела свеча. Став перед иконостасом на колени, в слезах она стала молиться о том, чтобы, если на то будет воля Всевышнего, забрать Ваню из этой семьи.

Тем временем в больнице Ваня пришёл в себя, его состояние стало намного лучше, и он разговорился с соседом по палате Серафимом. Как оказалось, у них была одна общая мечта — иметь родного брата. Только Серафим мечтал о старшем брате, а Ваня — о младшем. Серафим, взглянув на телефон, удивился: до Пасхи оставался ровно один день.

Тогда Серафим сказал Ване:

— Я так хочу на Пасху в храме побывать, эх.

А Ваня, прищурив глаза, сказал товарищу:

— Слушай, братишка, а нам можно на улицу выходить?

— Ну да, можно, — сказал Серафим.

И тогда у ребят созрел план. На следующий день они спустились подышать воздухом и убежали в храм. Подходя к Чаше, они лишь сказали Христу: «Мы родные братья», — и потом быстро вернулись в больницу.

Вскоре их выписали, а Марта приняла Ваню как родного брата. История закончилась тем же школьным двором, последним звонком и тем кругом, где Серафим начал драку, защищая новообретённого брата, дарованного с небес.

Повесть Дневник спасателя (в двух рассказах)

Рассказ Девство Спасателя

Осень 1998 года

Дождь барабанил по жестяной крыше старого пятиэтажного дома на окраине города — того самого района, где время будто остановилось где-то в семидесятых, а может, и раньше. Здесь не ремонтировали дороги, не строили новых домов, не открывали современных магазинов. Здесь жили те, кому не повезло, — или те, кто смирился со своей участью.

В квартире номер тридцать семь на четвёртом этаже пахло перегаром, застарелым табаком и безысходностью. Маленький Ваня сидел на полу в углу своей комнаты — если можно было назвать комнатой закуток за шкафом, где стояла старая кровать с продавленным матрасом и тумбочка с книгами. Ему было семь лет, но выглядел он на пять — худой, бледный, с большими испуганными глазами, которые видели слишком много для своего возраста.

За стеной, в соседней комнате, происходило то, что происходило почти каждый вечер. Отец, Николай Иванов, вернулся с работы — если можно было назвать работой те редкие подработки, которые он находил на стройках, — и уже успел выпить свою первую бутылку водки. Вторая стояла на столе, наполовину пустая.

— Ты, дура, — гремел его голос, — опять деньги потратила? На что? На жратву? Да ты знаешь, сколько я на эти деньги мог бы... Могла бы...

Мать, Елена, тихо плакала в углу кухни. Она была красивой когда-то — Ваня видел старые фотографии, где она улыбалась, молодая и счастливая, рядом с отцом, который тогда ещё не пил. Теперь её лицо было серым, осунувшимся, с постоянными синяками, которые она пыталась скрыть под слоем дешёвой пудры.

— Коля, пожалуйста, — умоляла она, — не надо. Ваня услышит...

— А мне плевать, что он услышит! — заорал отец, швыряя бутылку в стену. Стекло разлетелось на осколки, забрызгав кухню остатками водки. — Пусть знает, какой у него отец! Пусть знает, что жизнь — это не сказочка!

Ваня сжался в своём углу, закрыв уши руками. Он знал, что будет дальше. Сначала крики, потом звуки ударов, потом плач матери, потом тишина — тяжёлая, липкая тишина, которая была хуже всего. В этой тишине он слышал только своё дыхание и стук собственного сердца.

Он хотел выбежать, хотел защитить маму, хотел закричать, чтобы отец остановился. Но страх парализовал его, приковывал к месту, не давал даже пошевелиться. Он был всего лишь семилетним мальчиком, который не мог противостоять взрослому мужчине, обезумевшему от алкоголя.

Удары прекратились через несколько минут. Ваня услышал, как отец упал на диван и захрапел. Тогда он осторожно выполз из своего укрытия и на цыпочках пробрался на кухню.

Мама сидела на полу, прижавшись спиной к стене, обхватив колени руками. Из разбитой губы текла кровь, под глазом наливался синяк. Она смотрела в пустоту — тем взглядом, который Ваня видел слишком часто в последнее время.

— Мама, — прошептал он, подбегая к ней. — Mamочка, ты как?

Елена вздрогнула, словно очнувшись от кошмара, и посмотрела на сына. В её глазах мелькнуло что-то — боль, стыд, любовь — всё смешалось в одном взгляде.

— Ваня, — прошептала она, притягивая его к себе. — Прости меня, сынок. Прости.

Он обнял её, чувствуя, как дрожит её тело, как мокрое от слёз лицо прижимается к его плечу. В этот момент он понял что-то важное — что-то, что останется с ним на всю жизнь. Он понял, что должен защищать маму. Что он — единственный, кто может это сделать. Что если не он, то никто.

— Я тебя защищу, — прошептал он, гладя её по волосам. — Я вырасту и защищу тебя. Обещаю.

Елена заплакала ещё сильнее, прижимая сына к себе.

— Ты ещё маленький, — сказала она. — Ты не должен... Это не твоя вина.

Но Ваня уже знал — это его вина. Его вина, что он не может защитить. Его вина, что он слабый. Его вина, что он боится. И он поклялся себе, что больше никогда не будет бояться. Никогда не будет слабым. Никогда не позволит, чтобы кто-то пострадал, когда он может помочь.

Эта клятва, данная семилетним мальчиком в холодной кухне, среди осколков разбитой бутылки и слёз матери, станет фундаментом всей его жизни. Она определит его путь — путь спасателя, который будет спасать всех, кроме себя.

Зима 1998–1999 годов

Школа была для Вани одновременно убежищем и источником новых страданий. Убежищем — потому что там не было отца, не было криков и ударов, не было запаха перегара и страха. Источником страданий — потому что там были другие дети, которые чувствовали его слабость, его отличие, его бедность.

Он ходил в школу в поношенной одежде, которую мать покупала в комиссионке, в ботинках, которые были на размер больше, потому что «на вырост». Он никогда не приносил с собой еду — стеснялся, что у него нет денег на нормальный обед. Он сидел на последней парте у окна и старался быть незаметным, невидимым, несуществующим.

Но дети видят всё. Они чувствуют слабость, как акулы чувствуют кровь в воде. И они не прощают её.

— Эй, Иванов! — кричал рыжий Пашка из параллельного класса, который считал себя главным в школьном дворе. — А правда, что твой отец — алкаш?

Ваня молчал, глядя в землю. Он знал, что если ответить, будет хуже. Если промолчать — может, отстанут.

— Чего молчишь? — Пашка подошёл ближе, толкнул его в плечо. — Язык проглотил? Или тебя папка так отлупил, что говорить разучился?

Другие дети смеялись. Не все — некоторые отводили глаза, делали вид, что не замечают. Но и они не вмешивались. Никто не вмешивался.

Ваня терпел. Терпел толчки, обидные слова, насмешки. Терпел, потому что знал — если он ответит, если даст сдачи, дома будет ещё хуже. Отец всегда говорил: «Если тебя бьют — значит, ты слабак. А слабаков я не терплю». И Ваня боялся, что если он покажет слабость в школе, это как-то дойдёт до отца, и тогда...

Он не хотел думать, что тогда будет.

Весна 2003 года.

Ваня вырос — теперь ему было двенадцать, и он уже не был тем испуганным мальчиком, который прятался в углу. Он стал выше, сильнее, научился давать сдачи. Но внутри он остался тем же ребёнком, который слышал крики и удары, который видел слёзы матери, который поклялся защищать.

Отец пил всё больше. Мать болела всё чаще. Деньги в доме заканчивались быстрее, чем появлялись. Ваня уже подрабатывал — разносил газеты, мыл машины, помогал соседям с ремонтом. Он приносил домой небольшие деньги, которые мать прятала от отца, чтобы было на что купить еду.

В тот день — это было в конце мая, когда воздух уже пах летом, а солнце пригревало по-настоящему — Ваня возвращался домой из школы. Он шёл по улице, вдоль старых пятиэтажек, вдыхая запах цветущей сирени, и думал о том, как хорошо было бы уехать отсюда куда-нибудь далеко, где никто не знает его, где можно начать всё заново.

И вдруг он услышал крик.

Крик был женским — высоким, полным ужаса и боли. Он доносился из соседнего подъезда, из квартиры на первом этаже, где жила тётя Люда — молодая женщина с двумя детьми, которая часто приходила к ним за солью или спичками, потому что её муж, дядя Гриша, тоже пил и тоже бил её.

Ваня остановился. Сердце забилось быстрее. Он знал этот крик, знал эти звуки — глухие удары, звон разбитой посуды, детский плач. Это была та же история, что и у них дома, только в другой квартире, с другими людьми.

Он должен был пройти мимо. Должен был не вмешиваться. Должен был думать о себе, о матери, о том, что будет, если он ввяжется в чужую драку. Но он не мог. Что-то внутри него — то самое, что поклялось защищать, то самое, что не могло терпеть несправедливость, — заставило его остановиться.

Ваня подошёл к двери тёти Люды и постучал.

— Тётя Люда! — крикнул он. — Тётя Люда, откройте!

Крик прекратился. Наступила тишина — та самая тяжёлая, липкая тишина, которую он так ненавидел. Потом дверь открылась, и на пороге появился дядя Гриша — огромный мужик с красным лицом и налитыми кровью глазами.

— Чего надо? — прорычал он.

— Я... я слышал крики, — сказал Ваня, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Тётя Люда... с ней всё хорошо?

Дядя Гриша посмотрел на него — долгим, тяжёлым взглядом, от которого хотелось убежать. Потом усмехнулся.

— А тебе какое дело, пацан? Иди отсюда, пока цел.

— Я хочу убедиться, что с тётей Людой всё хорошо, — упрямо повторил Ваня.

Это было ошибкой.

Дядя Гриша схватил его за шиворот, втащил в квартиру и швырнул на пол. Ваня ударился головой об угол стола, и на мгновение перед глазами всё поплыло. Потом он почувствовал удар — тяжёлый ботинок врезался ему в бок, потом ещё раз, и ещё.

— Спасать пришёл? — рычал дядя Гриша, пиная его ногами. — Герой нашёлся! Спасатель! Да ты знаешь, что я с такими, как ты, делаю?

Ваня попытался закрыться руками, попытался отползти, но удары сыпались один за другим — по голове, по спине, по рёбрам. Боль была такой сильной, что он не мог даже кричать. Только хрипел, глотая слёзы и кровь.

Он не знал, сколько это продолжалось. Может, минуту, может, десять. В какой-то момент он потерял сознание — просто провалился в темноту, где не было боли, не было страха, не было ничего.

Очнулся он в больнице. Белый потолок, запах лекарств, капельница в руке. Рядом сидела мама — заплаканная, бледная, с синяком под глазом, который она даже не пыталась скрыть.

— Ваня, — прошептала она, увидев, что он открыл глаза. — Ваня, сыночек...

— Мама, — прохрипел он. — Что... что случилось?

— Тебя избили, — сказала она, и слёзы потекли по её щекам. — Тётя Люда вызвала скорую. Ты был без сознания... Врачи сказали, у тебя сотрясение, перелом двух рёбер, множественные ушибы...

Ваня закрыл глаза. Боль вернулась — тупая, ноющая, разлитая по всему телу. Но хуже боли было другое чувство — чувство беспомощности. Он хотел помочь, хотел защитить, а в итоге сам оказался в больнице, сам стал жертвой.

— Я хотел помочь, — прошептал он. — Я хотел защитить тётю Люду...

— Я знаю, — сказала мама, глядя его по голове. — Я знаю, сынок. Ты хороший мальчик. Ты самый лучший мальчик на свете. Но... но ты не должен был...

Она замолчала, не в силах продолжить.

Ваня лежал в больнице две недели. За это время его навестили учителя из школы — принесли фрукты, книги, сказали, что гордятся им. Приходили соседи — тётя Люда с детьми, которая плакала и благодарила его, говорила, что из-за него дядю Гришу посадили, что теперь она свободна. Приходили даже незнакомые люди — услышали историю о мальчике, который вступился за соседку, и захотели поддержать.

Но отец не пришёл. Ни разу. И это было больнее, чем все удары дяди Гриши.

Осень 2003 года

После больницы Ваня вернулся в школу другим человеком. Он больше не старался быть невидимым, не прятался в углу, не опускал глаза. Что-то изменилось в нём — какая-то внутренняя уверенность, какая-то решимость, которая была заметна всем.

Учителя заметили перемену. Классный руководитель, Анна Петровна, вызвала его на разговор.

— Ваня, — сказала она, глядя на него с теплотой, — я слышала о том, что произошло. Ты поступил очень смело. Но я хочу, чтобы ты понимал — ты не должен рисковать собой. Ты ещё ребёнок.

— Я знаю, — ответил Ваня. — Но я не мог поступить иначе.

Анна Петровна вздохнула.

— Ты знаешь, я вижу в тебе что-то особенное. Что-то, что редко встречается в людях. Ты умеешь сострадать, умеешь чувствовать чужую боль. Это дар, Ваня. Но это и проклятие. Потому что такие люди часто забывают о себе, забывают заботиться о себе, потому что всё время думают о других.

Ваня молчал. Он не понимал, что она имеет в виду. Для него забота о других была естественной, как дыхание. Он не мог представить, как можно иначе.

— Я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что, — продолжала Анна Петровна. — Пообещай, что будешь заботиться о себе. Что не будешь жертвовать собой ради других. Потому что ты нужен этому миру, Ваня. Ты нужен живым.

— Обещаю, — сказал Ваня, хотя не был уверен, что сможет сдержать это обещание.

Зима 2003–2004 годов

Мама умерла в феврале. Она просто не проснулась однажды утром — сердце остановилось во сне. Врачи сказали, что это было из-за многолетнего стресса, из-за побоев, из-за жизни, которую она вела.

Ваня остался один.

Отец, узнав о смерти жены, напился до беспамятства и исчез на несколько дней. Когда он вернулся, то был другим — сломленным, потерянным, словно из него вынули стержень. Он больше не кричал, не бил, не угрожал. Он просто сидел на диване, смотрел в стену и пил — методично, день за днём, пока не кончались деньги, пока не кончалась водка, пока не приходил сосед, чтобы оттащить его в больницу.

Ваня не знал, что делать. Ему было тринадцать лет, и он остался один в мире, который никогда не был к нему добр. Он ходил в школу, делал уроки, готовил себе еду, убирал квартиру — всё сам, без помощи, без поддержки. Он стал взрослым слишком рано, но внутри него всё ещё жил тот маленький мальчик, который хотел, чтобы кто-то пришёл и сказал: «Всё будет хорошо».

Никто не пришёл. Но пришли другие — учителя, соседи, знакомые. Они помогали, чем могли — приносили еду, давали деньги, предлагали помощь по дому. Анна Петровна оформила опеку — временное, пока не найдётся кто-то из родственников, которые могли бы взять Ваню к себе. Но родственников не было — или они не хотели брать на себя ответственность за мальчика из неблагополучной семьи.

Ваня остался один. Но он не сдался. Он продолжал ходить в школу, продолжал учиться, продолжал бороться. Потому что знал — мама хотела бы этого. Знала, что она гордилась бы им. Знала, что он должен выжить.

3 октября 2003 года

Осенний воздух был пропитан сыростью и предчувствием надвигающейся бури. Небо, ещё утром казавшееся безоблачным, к полудню затянулось свинцовыми тучами, которые медленно наползали друг на друга, словно гигантские серые волны. Ветер усиливался, срывая с деревьев последние жёлтые листья и гоня их по асфальту школьного двора.

Пятнадцатилетний Ваня возвращался со школьного двора, где провёл последние минуты перед уроками в компании нескольких одноклассников. Они обсуждали предстоящую контрольную по алгебре, делились новостями, смеялись над школьными байками. Ваня чувствовал себя частью этого мира — мира подростковых тревог и радостей, мира, где главные проблемы решались дружеским советом или совместным смехом.

Он шёл неторопливым шагом, наслаждаясь последними тёплыми лучами солнца, пробивающимися сквозь разрывы в тучах. Он думал о том, как хорошо быть молодым, когда всё ещё впереди, когда мир кажется бесконечным и полным возможностей.

Выходя за металлическую калитку школьного двора, он остановился, поражённый внезапной картиной.

Прямо перед ним, на детской площадке, окружённой ржавыми качелями и потрескавшейся песочницей, происходило нечто ужасающее. Двое парней, явно старше Вани, избивали мальчика. Это были не просто драки, какие иногда случались между школьниками, — это было настоящее избиение: жестокое, методичное, беспощадное.

Мальчик лежал на земле, свернувшись калачиком, пытаясь защититься руками от града ударов. Его лицо было искажено болью и страхом, из носа текла кровь, смешиваясь со слезами и грязью. Очки, которые ещё недавно украшали его лицо, теперь лежали рядом, разбитые вдребезги, стёкла рассыпались по асфальту, словно хрустальные осколки разбитой мечты. Мальчик был совершенно беспомощен, его крики заглушались смехом и грубыми выкриками нападавших.

Ваня узнал в избиваемом своего одноклассника Матвея Петрова — тихого, замкнутого мальчика, который всегда сидел на задней парте и предпочитал книги шумным компаниям. Матвей никогда не ввязывался в драки, не участвовал в школьных сплетнях, жил в своём собственном мире, населённом математическими формулами и историческими датами. И вот теперь этот мир был жестоко разрушен.

Нападавшие были двумя здоровенными амбалами, чьи мускулы выпирали даже через школьную форму. Один из них, Вася Семёнов, был известен всей школе своей агрессивностью и любовью к доминированию. Другой, Петя Кузнецов, был его верным спутником и подражателем, готовым выполнить любой приказ своего лидера. Оба они были воспитанниками детского дома №17, что находилось всего в нескольких кварталах от школы.

Ваня стоял в стороне, парализованный страхом и беспомощностью. Его сердце колотилось в груди, руки дрожали, ноги словно приросли к земле. Он хотел подойти, хотел остановить это безобразие, хотел защитить Матвея, но страх парализовал его волю. Что он мог сделать против двух здоровенных хулиганов? Он был всего лишь пятнадцатилетним подростком, таким же беспомощным, как и избиваемый мальчик.

В голове Вани пронеслись воспоминания — о рассказах учительницы литературы, которая часто говорила о Васе и Пете на уроках. Она рассказывала об их трудном детстве, о трагедиях, которые им пришлось пережить, о том, как система детских домов ломает детские судьбы. Но эти рассказы казались далёкими абстракциями, пока Ваня не увидел своими глазами последствия этой системы.

Дождь усиливался, вода стекала по лицу Вани, смешиваясь со слезами, которые он даже не осознавал, что плачет. Он смотрел на Матвея, который уже перестал сопротивляться и лежал неподвижно, принимая удары за ударом.

И вдруг, сквозь шум дождя и крики хулиганов, Ваня услышал звук подъезжающей машины. Чёрный седан медленно подкатил к калитке школьного двора, остановившись прямо

перед местом происшествия. Стёкла машины были тонированы, и невозможно было разглядеть, кто находится внутри.

Ваня, не раздумывая, бросился к машине. Он открыл заднюю дверь и быстро забрался внутрь, захлопнув её за собой. Через стекло он видел, как Вася и Петя, заметив машину, прекратили избиение и быстро удалились, растворившись в потоке дождя. Матвей остался лежать на земле, один среди луж и разбитых очков, совершенно беспомощный и одинокий.

Родители Вани — точнее, сосед, который согласился присмотреть за мальчиком после смерти матери, — ничего не подозревая, тронулись с места. Ваня сидел на заднем сиденье, прижавшись лицом к стеклу, и смотрел на удаляющуюся фигуру Матвея. Последнее, что он видел перед тем, как машина скрылась за поворотом, был мальчик, который медленно поднимался с земли, шатаясь от боли и слабости, и брёл куда-то в неизвестность, оставляя за собой кровавый след на мокром асфальте.

Этот образ навсегда запечатлелся в памяти Вани. Он будет преследовать его долгие годы, не давая покоя ни днём, ни ночью. Это было начало той травмы, которая сформирует всю его дальнейшую жизнь, превратив его в человека, одержимого идеей спасения других, потому что когда-то он не смог спасти одного.

Осень 2003 — весна 2004 годов

После того дня Ваня не мог спать. Каждую ночь он закрывал глаза и видел одно и то же — Матвея, лежащего на земле, кровь на асфальте, разбитые очки, свой собственный страх, который парализовал его, не дал вмешаться, не дал помочь.

Он просыпался в холодном поту, с криком на губах, с ощущением, что задыхается. Сердце колотилось, руки тряслись, и он не мог понять — где реальность, а где кошмар. Проходили минуты, прежде чем он осознавал, что находится в своей комнате, в своей кровати, что всё это было только во сне.

Но это был не сон. Это была память. Память, которая не отпускала, которая жгла изнутри, которая требовала ответа.

Ваня пытался найти Матвея в школе. Но Матвей больше не приходил. Учителя говорили, что он перевёлся в другую школу, что его семья переехала, что он больше не вернётся. Ваня не знал, правда это или нет. Может быть, Матвей просто боялся возвращаться туда, где его избили. Может быть, он не мог смотреть в глаза одноклассникам, которые не помогли ему. Может быть, он просто хотел забыть.

Ваня хотел найти его. Хотел сказать, что сожалеет, что должен был вмешаться, что не должен был бояться. Но он не знал, где искать. И со временем это желание — найти Матвея, попросить прощения, исправить свою ошибку — стало навязчивой идеей, которая определяла всё, что он делал.

Он начал искать информацию о детском доме №17. Узнал, что Вася и Петя были переведены в другое учреждение после того случая — их отправили в спецшколу для трудных подростков. Узнал, что они тоже были жертвами — жертвами системы, которая не смогла их защитить, жертвами жизни, которая была к ним жестока.

Это понимание не оправдывало их поступок, но объясняло его. И Ваня понял что-то важное — что зло не рождается само по себе. Зло — это результат боли, которая не нашла выхода. Зло — это искалеченная любовь, которая превратилась в ненависть.

Он не хотел стать таким, как Вася и Петя. Не хотел, чтобы его боль превратилась в жестокость. Он хотел найти другой путь — путь спасения, путь помощи, путь любви.

Лето 2004 года

Ваня закончил девятый класс. Впереди была взрослая жизнь — или то, что считалось взрослой жизнью для мальчика, который остался один в мире. Ему нужно было решить, что делать дальше — продолжать учёбу в школе, идти в колледж, искать работу.

Он выбрал педагогический колледж. Не потому, что хотел стать учителем — хотя, может быть, и поэтому тоже. А потому, что хотел помогать детям. Детям, которые страдают, как страдал он сам. Детям, которые нуждаются в защите, как нуждался он. Детям, которые потеряли веру в людей, как потерял он.

В колледже он познакомился с людьми, которые изменили его жизнь. Преподаватель психологии, Сергей Николаевич, человек с добрыми глазами и понимающим сердцем, стал для Вани наставником. Он видел в мальчике что-то особенное — не просто желание помогать, а глубокую потребность, которая граничила с одержимостью.

— Ваня, — сказал он однажды после занятия, — я хочу поговорить с тобой о том, что ты называешь «желанием помогать».

Они сидели в пустой аудитории, за окном шумел дождь, и Ваня чувствовал, что этот разговор будет важным.

— Ты знаешь, что такое синдром спасателя? — спросил Сергей Николаевич.

Ваня покачал головой.

— Это психологический феномен, при котором человек испытывает навязчивое желание помогать другим, спасать их, решать их проблемы. Часто это связано с детскими травмами — с чувством вины, с ощущением, что ты не смог помочь кому-то важному, с потребностью доказать себе, что ты хороший, что ты достоин любви.

Ваня слушал, и что-то внутри него отзывалось на эти слова. Он узнавал себя в этом описании — узнавал своё желание спасать, свою одержимость помощью, свою неспособность пройти мимо чужой боли.

— Это плохо? — спросил он.

— Это не плохо и не хорошо, — ответил Сергей Николаевич. — Это просто есть. Вопрос в том, как ты с этим живёшь. Если ты спасаешь других, забывая о себе, — это путь к выгоранию, к депрессии, к разрушению. Если ты помогаешь другим, но при этом заботишься о себе, — это путь к гармонии, к настоящей помощи, к настоящей любви.

Ваня задумался. Он никогда не думал о себе. Никогда не заботился о себе. Он всегда думал только о других — о матери, о Матвее, о детях, которым хотел помочь. Он не знал, как это — заботиться о себе.

— Я не умею, — признался он. — Я не знаю, как это.

— Научись, — сказал Сергей Николаевич. — Это долгий путь, но ты его пройдёшь. Главное — помни: ты не можешь спасти всех. И это нормально. Ты не Бог. Ты человек. И твоя задача — не спасти мир, а жить свою жизнь так, чтобы в ней было место любви, добру и помощи другим. Но не за счёт себя.

Этот разговор стал для Вани важным уроком. Он не изменил его сразу — но заронил семя, которое со временем даст ростки.

зима 2012 года

Ваня закончил педагогический колледж, а затем — университет. Он работал учителем в школе, преподавал математику, и параллельно учился в духовной семинарии. Вера всегда была частью его жизни — с детства, когда он молился в темноте своей комнаты, прося Бога о помощи, о защите, о спасении.

Он не знал, верит ли он по-настоящему. Не знал, слышит ли его Бог. Но он чувствовал, что что-то есть — что-то большее, чем он сам, чем его боль, чем его страдания. Что-то, что давало ему силы продолжать, когда казалось, что сил больше нет.

В двадцать два года он был рукоположен в сан священника. Это был важный момент — момент, когда он официально посвятил свою жизнь служению Богу и людям. Но это был и момент сомнений — правильно ли он поступает? Достоин ли он? Сможет ли он нести это бремя?

В день рукоположения он стоял в храме, чувствуя на себе взгляды прихожан, чувствуя тяжесть епископской руки на своей голове. Он думал о матери — о том, как она гордилась бы им. Думал о Матвее — о мальчике, которого не смог спасти. Думал о себе — о мальчике, который когда-то прятался в углу, а теперь стоял перед алтарём.

— Обещаю, — прошептал он, — обещаю служить тебе, Господи. Обещаю помогать людям. Обещаю не отворачиваться от чужой боли. Обещаю спасти тех, кого смогу спасти.

Это была клятва. Клятва, которая определит всю его дальнейшую жизнь.

Осень 2012 года

Они познакомились в храме. Василиса пела в хоре — у неё был красивый голос, чистый и глубокий, который наполнял храм светом и теплом. Иван, тогда ещё молодой священник, служил в том же храме, и каждый раз, когда она пела, он чувствовал, как что-то внутри него отзывается на её голос.

Она была красива — чёрные локоны, яркие глаза, улыбка, которая освещала всё вокруг. Но дело было не только в красоте. В ней было что-то особенное — какая-то внутренняя сила, какая-то глубина, которая притягивала его.

Он долго не решался подойти. Священник не должен... он не должен... Но сердце не спрашивает разрешения. Оно просто любит.

Однажды после службы он подошёл к ней.

— Вы прекрасно поёте, — сказал он. — Ваш голос... он трогает сердце.

Василиса улыбнулась.

— Спасибо, батюшка. Я стараюсь петь так, чтобы люди чувствовали Бога.

— Вы чувствуете Бога, когда поёте?

Она задумалась на мгновение.

— Да, — ответила она. — Чувствую. И это самое важное, что есть в моей жизни.

Они начали разговаривать. О вере, о жизни, о мечтах. Оказалось, что они похожи — оба потеряли близких, оба искали смысл, оба хотели помогать людям. Оказалось, что они могут говорить часами и не уставать друг от друга.

Через год они поженились. Это было скромное торжество — в храме, с небольшим количеством гостей. Но для них это был самый важный день в жизни. День, когда они соединили свои судьбы перед Богом и людьми.

Весна 2014 года.

Через два года после свадьбы Василиса начала говорить о детях.

— Ваня, — сказала она однажды вечером, когда они сидели на кухне за чаем, — я хочу ребёнка.

Иван посмотрел на неё, и в его глазах отразилась та же тоска, которая была в её глазах.

— Я тоже, — ответил он. — Я тоже хочу.

Они начали пытаться. Месяц за месяцем, год за годом. Но ничего не получалось. Василиса не беременела. Сначала они думали, что это просто вопрос времени — нужно больше стараться, нужно молиться, нужно верить. Но время шло, а результата не было.

Наконец они пошли к врачам. Обследования, анализы, консультации — всё это заняло месяцы. И результат был неутешительным: оба супруга страдали бесплодием. Василиса не могла забеременеть естественным путём, а у Ивана были проблемы с фертильностью.

Это был удар. Удар, от которого они долго не могли оправиться.

Василиса плакала ночами, пытаясь скрыть слёзы от мужа. Иван молился, прося Бога о чуде, но ответа не было. Они прошли через несколько курсов лечения, через ЭКО, через всё, что предлагала медицина. Но результат оставался прежним — детей у них не было.

— Нет, я рожу! — говорила Василиса, стискивая кулаки. — У нас получится! У нас будут свои дети! Я сказала, что будут, и точка!

Иван смотрел на неё и чувствовал, как его сердце разрывается. Он хотел дать ей то, чего она так желала. Хотел стать отцом. Хотел, чтобы в их доме звучал детский смех, чтобы по коридорам бегали маленькие ножки, чтобы жизнь наполнилась новым смыслом.

Но не получалось. И он не знал, что делать.

Осень 2014 года

Однажды вечером, после очередной неудачной попытки ЭКО, они сидели на кухне, глядя друг на друга с усталостью и болью.

— Вась, — начал Иван, — может, нам подумать о приёмном ребёнке?

Василиса подняла на него глаза. В них было столько боли, столько тоски, столько страха.

— Приёмном? — переспросила она. — Ты хочешь взять чужого ребёнка?

— Не чужого, — ответил Иван. — Нашего. Нашего сына или дочь. Ребёнка, которому нужны родители, который нуждается в любви и заботе.

Василиса молчала. Она думала о том, что приёмный ребёнок — это не её ребёнок. Не её плоть, не её кровь. Она думала о том, что никогда не сможет полюбить его так, как полюбила бы своего. Думала о том, что это будет постоянное напоминание о её неполноценности, о её неспособности стать матерью.

— Я не знаю, Ваня, — сказала она наконец. — Я не знаю, смогу ли.

— Я понимаю, — ответил Иван. — Но давай подумаем. Давай попробуем. Может, это наш путь. Может, Бог ведёт нас именно к этому.

Василиса смотрела на мужа и видела в его глазах ту же боль, что и в своих. Но видела и что-то ещё — надежду. Надежду, которую она уже почти потеряла.

— Хорошо, — прошептала она. — Давай попробуем.

Декабрь 2014 года.

Они пришли в органы опеки холодным зимним утром. Здание было серым и казённым, воздух пах бумагой и официальнойностью, голоса сотрудников звучали строго и деловито.

Их встретила Елена Викторовна — молодая женщина с добрым лицом и внимательным взглядом. Она выслушала их историю, посмотрела документы, кивнула.

— Усыновление — это долгий процесс, — сказала она. — Вам нужно будет собрать много документов, пройти школу приёмных родителей, получить заключение. Это может занять несколько месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.